

УДК 930.2

DOI 10.31518/3033-9332-2026-1-3-ru

Лысенко Юлия Александровна,*доктор исторических наук, Алтайский государственный университет, профессор, заведующая кафедрой востоковедения Института истории и международных отношений, Барнаул, Россия, e-mail: iulia_199674@mail.ru***Егоренкова Елена Николаевна,***старший преподаватель кафедры истории Казахстана, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан, e-mail: kuzja-74@mail.ru*

ИСЛАМСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ «ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» СТЕПНОГО КРАЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX В.): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Аннотация. Статья исследует специфику исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» – печатных органов Оренбургской и Омской епархий в Степном крае в конце XIX – начале XX века. Автор рассматривает эти публикации как инструмент реализации имперской религиозной политики, а также как часть обширной православно-миссионерской литературы, направленной на ограничение влияния ислама. Анализ показывает эволюцию содержания и тональности публикаций. В 1880–1890-е гг. они носили характер этнографических заметок и отчетов миссионеров, стремившихся доказать поверхностный характер исламизации казахов и сохранить их для потенциальной христианизации. Основным методом заключался в критике «языческих» пережитков в среде кочевников-мусульман. С началом XX века, в связи с ростом общероссийского мусульманского движения, характер публикаций резко меняется. Они приобретают форму тенденциозных статей, целью которых становится прямая дискредитация ислама. В фокус критики попадают личность Мухаммеда, содержание Корана, догматы и социальные нормы ислама. Публикации были призваны сформировать у православной паствы устойчивые негативные стереотипы и фобии. Автор также отмечает разницу в подходах двух епархий: более жесткий и идеологизированный характер «Оренбургских епархиальных ведомостей», обусловленный близостью к Казани, и более либеральную и практическую направленность «Омских епархиальных ведомостей», где акцент смещался на борьбу с расколом внутри самого православия.

Ключевые слова: Российская империя, религиозная политика, «Епархиальные ведомости», Степной край, ислам, православные миссии, антиисламская пропаганда, казахи, миссионерство.

Процессы активного институционального развития Русской православной церкви в Степном крае были связаны с крестьянской миграцией из Европейской России в азиатскую часть и увеличением, в связи с этим, численности православного населения в регионе. Именно в 1880–1890-е гг. XIX в. завершилось епархиально-территориальное, церковно-приходское деление Степного края, была создана сеть монастырских, школьных, религиозно-просветительских, религиозно-благотворительных и миссионерских структур¹. В рус-

ле общероссийских церковных тенденций, обязательным элементом деятельности Оренбургской и Омской епархий Степного края являлось издание «Епархиальных ведомостей» – официальных журналов с периодичностью выхода 2–4 раза в месяц.

Тематическая рубрикация оренбургских и омских «Епархиальных ведомостей» была достаточно разнообразной. Помимо вопросов собственно епархиального развития, на их страницах находили отражение сюжеты, связанные с общественно-политической, культурной, экономической жизнью Степного края. Значительное внимание редакции «Епархиальных ведомостей» уделяли ислам-

¹ Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в). Барнаул, 2011. 155 с.

ской тематике, что было связано с особенностями этнорелигиозной ситуации в регионе. Несмотря на массовую миграцию православного восточнославянского населения в Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области, большую часть населения здесь продолжали составлять казахи-мусульмане. В русле реализации задач имперской религиозной политики, направленной на сокращение сферы влияния ислама в границах казахской степи и распространения среди ее жителей христианства, в Оренбургской и Омской епархиях была организована деятельность Киргизских православных/антиисламских миссий².

Публикации на исламскую тематику в «Епархиальных ведомостях» являлись составной частью обширной исламоведческой литературы, которая создавалась в Российской империи на протяжении всего XIX в. Она была представлена как отдельными специализированными «миссионерскими противомусульманскими сборниками», издававшимися Казанской духовной академией, так и крупнейшей православно-церковной периодикой: «Православным собеседником», «Трудами Киевской духовной академии», «Душеполезным чтением», «Руководством для сельских пастырей», «Православным благовестником», «Богословским вестником», «Церковно-приходской школой», «Кормчим», «Миссионерским обозрением».

Появление исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» было непосредственно связано с началом деятельности Киргизских православных миссий в казахской степи. Поскольку первая такая миссия была создана на территории Алтайского горного округа в начале 1880-х гг. XIX в. и подчинялась Томской епархии, именно ее «Епархиальные ведомости» первыми предоставили свои страницы для публикаций на антиисламскую тематику. Затем эстафету подхватили Оренбургская и Омская епархии. Публикации по данной проблеме были представлены официальными отчетами о деятельности Киргизских миссий, Епархиальных комите-

тов Православного миссионерского общества, а также «Записками» отдельных миссионеров, которые представляли собой личные наблюдения процессов исламизации казахского социума, роли ислама в общественной жизни кочевников.

Анализ публикаций исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края позволяет определить ее особенности и круг дискутируемых проблем. В 1880–1890-е гг. главной целью публикаций была необходимость доказать пагубность распространения ислама среди казахского населения. В связи с этим критике подвергалась религиозная политика Российской империи рубежа XVIII–XIX вв., направленная на распространение ислама среди казахов-скотоводов административными методами. Авторы данных материалов подчеркивали необходимость скорейшего изъятия кочевников из сферы влияния мусульманских проповедников и организации православного миссионерства среди них.

Так, фактически в каждом «Отчете о деятельности» миссионеров Киргизской миссии Томской епархии за период с 1882 по 1895 гг. подчеркивалась мысль о том, что на данном этапе не произошло глубокой трансформации традиционного религиозного сознания казахов-кочевников под влиянием ислама. Для подтверждения этой мысли часто приводились этнографические описания языческих обрядов и культов жизненного и календарного циклов, особенно поминок и конно-спортивных скачек (байга) среди той части казахов, которая исповедовала ислам.

Миссионер Большенарымского стана Киргизской миссии Томской епархии Стефан Борисов в 1891 г. в своих «Записках» писал: «<...> киргизы очень скудны сведениями о магометанстве, а те сведения, которыми большинство из них владеет, – не более как круг обрядовых предписаний Корана. <...> Мусульманству преданы киргизы настолько, насколько может быть предан человек своей вере, а фанатизма в них вовсе нет. По свойствам характера киргизы фанатиками быть не могут и это – счастье наше! <...> нет в них характерной стойкости и решительности, которыми отличаются татары, турки и прочие фанатичные мусульмане. Впрочем, ислам способен пере-

² Подробнее см.: Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010.

воспитать и киргизов, если только допустить его в степь во всей силе»³. В 1891 г. в «Томских епархиальных ведомостях» отмечалось, что «Киргизы пока еще мусульмане только по имени. Тем не менее мусульманский фанатизм, при посредстве среднеазиатских мусульманских выходцев, начинает поглощать и это племя. Деятели Киргизской миссии необходимо на первый раз <...> приостановить распространение этой заразы, что, однако, невозможно без внешнего содействия правительственной власти»⁴.

По мнению церковнослужителей, главной задачей государства, призванной оказать помощь Киргизским миссиям в борьбе с исламом, должно было стать формирование побудительных мотивов у язычников и мусульман для перехода в лоно православной церкви. Однако деятельность правительства в этом направлении миссионеры оценивали крайне отрицательно. Так, в Томских епархиальных ведомостях в 1886 г. указывалось, например, что принимать православие «не только не выгодно, но и весьма убыточно», поскольку до крещения язычник или мусульманин «свободно живет в своем кочевье, заботясь только об уплате трехрублевого ясака»⁵. Приняв православие, он вынужден платить «помимо ясака, 1) на исправление путей сообщения, 2) на найм толмача для чиновников, 3) на устройство мертвецкой избы, 4) не устраняется он от содержания приходского причта, церковных школ, 5) найм сторожей к своей приходской церкви». Поэтому священники настаивали на сохранении для новообращенных только тех налогов, которые они платили до принятия христианства⁶.

Особенностью публикаций на антиисламскую тематику в «Епархиальных ведомостях» Степного края в 1880–1890-е гг. XIX вв. было то, что многие из них представляли собой своего рода путевые заметки миссионеров, созданные в приключенческо-романтическом жанре. В них описывались разного рода труд-

ности, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам во время поездок по казахской степи, их преодоление, встречи с местным населением и непереносимые трудности, которые ждали миссионеров в деле проповеди слова Божьего.

Чтобы придать большую эмоциональность и яркость описываемой поездки по степи, миссионеры довольно часто сопровождали свои рассказы красочным описанием природы, образа жизни и быта кочевников. Важной составляющей таких рассказов был неизменный сюжет о встрече в пути с казахом-кочевником и беседе с ним на религиозную тематику. Ее следствием всегда был один и тот же результат: православный миссионер доказывал казаху-мусульманину всю несостоятельность ислама как религии, что заставляло последнего задуматься и принять решение о переходе в христианство.

В начале XX в. в связи с активизацией и интеграцией казахов-мусульман в общероссийское мусульманское движение, особенно в период Первой русской революции 1905–1907 гг., значительно изменилось содержание, направленность исламской тематики на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края. Произошел и количественный рост числа публикаций на эту тему. Особенно часто ей посвящали свои страницы «Оренбургские епархиальные ведомости», что объяснялось, на наш взгляд, наличием в епархии и близостью к ней крупнейших исламских центров Российской империи – Оренбурга, Казани, Уфы, Самары.

Значительно трансформировалась содержательная часть таких публикаций. Они перестали создаваться в духе беллетристического жанра и стали представлять собой научно-аналитические статьи, в рамках которых затрагивался широкий спектр дискуссионных вопросов исламоведения. При этом для большинства авторов были характерны неточность и расплывчатость изложения, акцентирование на ассоциативной форме изложения, односторонняя подача содержательно-фактической и содержательно-концептуальной информации, ироничность отношения к тем или иным мусульманским феноменам, отрицательно-оценочные, порой уничижительные

³ Государственный архив Алтайского края (далее – ГА АК). Ф. 164. Оп.1. Д. 48. Л. 32 об.

⁴ Томские епархиальные ведомости. 1891. 1 мая. № 9. С. 20.

⁵ Там же. 1886. 15 мая. № 10. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

эпитеты. По сути, статьи на исламскую тематику были призваны оказывать глубокое воздействие на обыденное сознание и формировать у читательской аудитории отрицательные стереотипы восприятия российского ислама, активно-агрессивное отношение к нему.

Основной дискурс был связан с доказательством «ложности и пустоты религии Мухамедовой». В этих рамках рассматривалась история зарождения и развития ислама. При этом акцент делался на сопоставлении отдельных фактов, изложенных в Коране, и библейских сюжетов, на основании чего делался вывод о заимствовании многих библейских сюжетов в Коране и, соответственно, о превосходстве Библии и христианства над Кораном и исламом⁷.

Коран представлялся как «хаотическое смешение самых разнообразных постановлений, наставлений и изречений», внушающих «только ненависть и презрение ко всем народностям, не признающим Магомета посланником Божиим»⁸. Показательна в этой связи статья противомусульманского миссионера Оренбургской епархии К. Меркурьева «Коран – не божественное откровение»⁹, представляющая сравнительный анализ Библии и Корана. По мнению автора статьи, любое Божественное откровение должно обладать определенными признаками, к числу которых он относил: «1) истинность – отсутствие в нем лжи и обмана; 2) неизменность – отсутствие противоречий; 3) ясность и определенность – отсутствие сомнений и колебаний при изложении истины веры и деятельности; 4) высоту и спасительность – отсутствие мелочных правил и предписаний, нелепостей и несообразностей, противных истинному понятию о Боге, здравому смыслу и нравственному чувству человека»¹⁰.

Дальнейшие рассуждения Меркурьева были направлены на поиск всех четырех признаков, характеризующих Божественное писание, применительно к Корану. В ходе анализа Корану было отказано в истинности, на основании

того, что в нем «передаются события, неприимимые с событиями библейскими», приписаны «к лику пророков не только лица, о пророческом достоинстве которых нет свидетельств в Святом Писании [...] но даже и идолопоклонники [...] при этом не упоминается о самых главных из ветхозаветных пророков (Исаия, Иеремия, Иезекил и Даниил), об их учениях и пророчествах»¹¹.

Коран, по мнению К. Меркурьева, состоит из противоречий, «число которых простирается до 225». Кроме того, миссионер указывал на то, что «при изложении догматических и нравственных истин Коран допускает сомнение, нерешительность [...] Так, например, говоря о будущей жизни Мухаммед колеблется признать вечность и неизменяемость решений Судьбы относительно конечной участи праведников и грешников». По мнению миссионера, выражения «может быть, будете помилованы», «может быть, будете счастливы», «может быть, будете благочестивы» и т.д. не приемлемы для настоящего Божественного откровения.

И наконец, К. Меркурьев отмечал многочисленные сюжеты из личной жизни Мухаммеда, которые неуместны, по его мнению, в любом Божественном послании. В завершение автор пришел к выводу о том, что «Коран не удовлетворяет ни одному из указанных выше признаков божественного откровения: в нем, как мы видим, много неправды, противоречий, мелочных предписаний, нелепостей и несообразностей, – и потому он – не Божие слово, не Божественное откровение»¹².

Огромное внимание на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края уделялось личности самого основателя ислама – Мухаммеда. Он назывался не иначе как «лжепророком, до возмутительной нелепости изуродовавшем христианскую истину о воплощении Бога Слова». В одном из выпусков «Оренбургских епархиальных ведомостей» в 1913 г. о нем было написано следующее: «Магомет, пропитанный эгоизмом, привязанный всем существом, всеми мыслями к земному и чувственному, не мог оставить для своих последо-

⁷ Батунский М.А. Россия и ислам. Т. 2. М., 2003. С. 209.

⁸ Оренбургские епархиальные ведомости. 1913. 15 июня. № 12. С. 165.

⁹ Там же. 1 января. № 1. С. 6–11.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 11.

вателей ничего возвышенного, ничего основанного на законах нравственности. [...] Пылкий характер властолюбца и эгоиста Магомета до того разжег в нем жажду стать в мире известным, греющим славой человеком, что он ради этого все свои тяжкие на пророческом пути проступки, необузданную волю страсти, не постеснялся наименовать законом с небес»¹³. Из этого делался вывод о тотальной пагубности ислама для самих мусульман и для казахов, попавших под его влияние.

Отдельным направлением «Епархиальных ведомостей» Степного края начала XX в. следует считать анализ религиозной политики Российской империи в отношении ислама. Последняя подвергалась резкой критике, представлялась авторам публикаций крайне либеральной, в некоторой степени попустительской, так как не противодействовала распространению ислама в степи, «крайне христианству враждебного Корана и прочих зловердных мусульманских книг».

Миссионеры Киргизских духовных миссий Оренбургской и Омской епархий, работающие среди казахов, постоянно подчеркивали, что исламизация не принесла ничего положительного казахам-кочевникам. Для этого они довольно часто приводили в ежегодных «Отчетах о деятельности» пространные беседы с пожилыми казахами, которые утверждали, что ислам способствовал падению нравов среди казахской молодежи, развивал такие пороки, как пьянство, разгул, неуважение к старшим и т.д. Миссионерами подчеркивалось, что татарские муллы, работающие в школах, не могут дать достойного образования казахской молодежи, поскольку ведут обучение на арабском языке, незнакомом казахам, а сам процесс обучения сводят к механическому заучиванию Корана¹⁴.

Подобные рассуждения служили основанием к развитию еще одного направления в публикациях об исламе на страницах «Епархиальных ведомостей» – о его застойности и не прогрессивности. Подчеркивалось, что «мусульманская наука» погрязла в схоластических тонкостях и ухищрениях и не только не

просвещает, но, напротив, помрачает духовные способности своих адептов. Вся исламская богословская литература на татарском языке, например, «убивает любознательность мухаммеданина, на все вопросы давая ответы по раз и навсегда выработанной формуле; извращает здравый вкус его, приучая услаждать себя самыми причудливыми вымыслами фантазии вместо действительных фактов исторической жизни; парализует всякое стремление его к развитию и прогрессу, внушая ему, что он может считать себя совершенным, если выполняет внешние предписания шарията»¹⁵.

Свидетельством кризиса ислама являлось, по мнению отдельных авторов «Епархиальных ведомостей», не только формирование реформаторского движения «новых методов» в исламе, пытавшихся реанимировать мусульманское образование, но появление различных сектантских движений в исламе, активно возникающих среди мусульман Российской империи в начале XX в. Об одной из таких сект было рассказано на страницах «Оренбургских епархиальных ведомостей». Она возникла среди молодых татарских мулл Тобольской губернии, считавших необходимым реформирование обрядовой стороны ислама. В частности, ими предлагалось заменить тридцатидневный пост Рамадан на девятидневный, отменить «нерациональный и противоестественный, не согласованный с чисто логическими законами природы» институт многоженства и покровительства ислама полигамии и т.д.¹⁶

В русле исламского дискурса на страницах «Епархиальных ведомостей» Степного края в начале XX в. появлялись отдельные публикации, авторы которых отказывали в прогрессивности не только исламу, но формирующимся национальным языкам народов, его исповедующих. Интересной в этой связи представляется публикация в нескольких номерах «Оренбургских епархиальных ведомостей» аналитической статьи, посвященной литературе, изданной на татарском языке за 1912 г. «Литературный татарский язык, отмечается в статье, – на котором написаны данные издания, –

¹³ Там же. № 12. 15 июня. С. 164–165.

¹⁴ ГА АК. Ф.164. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–5 об.

¹⁵ Оренбургские епархиальные ведомости. 1913. № 4. 15 февраля. С. 60.

¹⁶ Там же. № 10. 15 мая. С. 117.

как по своему лексическому составу, так и по грамматическому строю является языком неустоявшимся. При том рабском преклонении к языкам арабским, турецким, персидским, какое наблюдается у татар-мухаммедан вообще, – употребление арабских, турецких и персидских слов и оборотов наравне и в ущерб татарским признается явлением вполне законным»¹⁷.

Очевидно, что конечной целью публикаций на исламскую тематику в «Епархиальных ведомостях» Степного края должно было стать формирование у читательской аудитории фобий в его отношении. Поэтому вполне логичным и закономерным можно считать появление на страницах изданий материалов по истории ислама, авторы которых акцентировали внимание на фанатизме мусульман, их «бесчеловечных войнах» и тотальной экспансии, «как в Африке и в Индии, Китае, так и в России».

Показательна в этой связи небольшая заметка, помещенная в «Омских епархиальных ведомостях» в 1913 г. миссионером И. Петровым, в которой автор подчеркивал, что «Нидля кого не тайна, что одно магометанство обладает свойством разжигать в своих последователях фанатизм и беспредельную слепую привязанность к себе. Каждый магометанин, в силу своего воспитания, старается во что бы то ни было обратить в свою веру гяуров, не знающих Магомета и Аллаха»¹⁸. В другом номере за этот же год И. Петров пересказывал слова пророка Мухаммеда: «О, верующие мусульмане, когда вы встретите неверных (немусульман), убивайте их везде, пока они не сделаются мусульманами, и Бог осыплет вас благодеяниями, вы будете счастливы. Убиваете же их не вы, а Бог [...] О, верующие! Не показывайте трусости, не призывайте неверных к миру и не избирайте друзьями жидов и христиан»¹⁹. Отдельные авторы убеждали читателей в том, что отечественных мусульман и в прошлом, и в настоящем отличали «фанатическая ненависть» ко всему русскому, которая проявлялась во многих исторических событиях – в Смутное время, во время восстаний

С. Разина и Е. Пугачева. Подчеркивалась мысль о лояльности российских мусульман к Оттоманской Порте и их благоговейности перед ней и делался вывод об опасности для православного государства, коим являлась Российская империя, ислама.

В целом можно отметить, что исламская тематика была наиболее популярной в «Оренбургских епархиальных ведомостях». В большинстве своем эти публикации носили антиисламский характер и призваны были сформировать общественное мнение, направленное на сокращение сферы влияния ислама в Российской империи. Антиисламская направленность «Оренбургских епархиальных ведомостей» объясняется, на наш взгляд, близостью епархии к Казани – идеологическому центру общероссийского мусульманского движения начала XX в. Отличала публикации на антиисламскую тематику в «Оренбургских епархиальных ведомостях» и более высокая степень аналитики и научный подход. Во многом это было связано с более высоким уровнем профессиональной подготовки священнослужителей Оренбургской епархии, многие из которых являлись выпускниками Казанской духовной академии. Как известно, студенты восточного отделения Академии слушали курс исламоведения, а по окончании представляли аналитический труд по одной из его проблем.

Совсем иначе складывалась ситуация в Омской епархии. На страницах «Епархиальных ведомостей», издававшихся ею, исламская тематика приняла более либеральную окраску. Анализ содержания изданий позволяет утверждать, что данная проблема лишь частично затрагивалась в виде публикаций «Отчетов о деятельности» различных антиисламских миссионерских структур, священников-миссионеров, возглавлявших станы Киргизской миссии Омской епархии. Причина видится в особенностях развития ислама в границах проживания казахов Омской епархии. Территориальная отдаленность от исламских поволжских центров, отсутствие регионального органа управления мусульманами края – Мусульманского духовного собрания, менее эффективная деятельность татарских мусульманских проповедников среди казахов, более

¹⁷ Там же. № 3. 1 февраля. С. 39.

¹⁸ Там же. № 11. 1 июня. С. 143.

¹⁹ Там же. № 12. 15 июня. С. 165.

синкретичные формы ислама у последних в виде сочетания ислама и языческих культов – все это, безусловно, снижало актуальность исламофобских настроений в регионе. Не менее важной причиной более либеральной оценки ислама и его потенциала на страницах «Омских епархиальных ведомостей» являлось, на наш взгляд, присутствие в регионе крупней-

ших центров старообрядчества и протестантизма. В связи с этим миссионерская деятельность Русской православной церкви здесь развивалась не столько среди казахского, сколько среди православного населения. В результате акценты в содержании «Омских епархиальных ведомостей» были смещены в сторону борьбы со старообрядчеством и сектантством.

Список литературы

1. Батунский М. А. Россия и ислам: в 3 томах. М.: Прогресс-Традиция, 2003. Т. 2. 600 с.
2. Лысенко Ю.А. Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2011. 155 с.
3. Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 195 с.